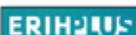

Власова О. А. «Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии : перспектива диалога / О. А. Власова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 193—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210.

Vlasova, O. A. (2020). "Point of View" in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue. *Nauchnyi dialog, 11*: 193-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210. (In Russ.).

УДК 82:1+930.1+1(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210

«ТОЧКА ЗРЕНИЯ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ, ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: ПЕРСПЕКТИВА ДИАЛОГА¹

© Власова Ольга Александровна (2020), orcid.org/0000-0003-4881-3652, Researcher ID N4191-2015, SPIN 1919-4641, доктор философских наук, Институт философии, профессор кафедры истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), o.a.vlasova@gmail.com.

Рассматривается проблема точки зрения с учетом вектора преемственности от литературоведения через историю к истории философии. Анализируются традиционные подходы англо-американской (Г. Джеймс, П. Лаббок) и французской (Ж. Женетт) литературоведческих традиций. Выделяются основная терминология и методологические стратегии, которые могут использоваться в исторической и историко-философской науке. Демонстрируется, что в рамках истории терминология фокализации способствует акцентированию фигуры исследователя, задающего условия восприятия исторического материала. На основании критического анализа предложенных А. Манслоу моделей фокализации в истории определены основные направления переосмысления проблемы фокализации в исторической и историко-философской практике. Характеризуется специфика постановки проблемы точки зрения и фокализации в истории философии. Подчеркивается, что обращение к ней позволяет поставить проблему взаимоотношений истории и современности, истории и философии. Подобная проблематизация историко-философской практики гораздо успешнее, чем традиционная терминология, способствует осмыслению современных тенденций развития. Исследование проблемы точки зрения демонстрирует общность методологической проблематики гуманитарных наук (литературоведения, истории, истории философии) и необходимость общегуманитарного диалога.

Ключевые слова: литературоведение; история; история философии; историк философии; перспектива; точка зрения; фокализация; литературоведение XX столетия; «новая критика».

1. Проблема точки зрения в диалоге наук

Науки о языке и литературе всегда очень тесно соприкасались с философией как наукой об общих основаниях мироустройства: сознание, язык, текст

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

всегда были для них общим проблемным полем. Однако одно из пространств потенциального диалога до сих пор обходят вниманием как филологи, так и философы, хотя оно имеет большое значение для развития историко-философских и философско-исторических исследований в XX веке, а также может многое прояснить в современных спорах о сознании. Это проблематизация перспективы, которую нам принесли структурные исследования текста.

Надо признать, что при всей актуальности и, в определенной мере, очевидности проблемы перспективы в истории философии она до сих пор не становилась предметом специального исследования. К ней практически вплотную подходят литературоведческие работы о точке зрения [Huhn et al., 2009], труды по философии истории и историографии последних лет [Tucker, 2009; Kuukkanen, 2015], однако они не преодолевают дисциплинарную границу и не рассматривают вопроса перспективы в других гуманитарных науках. В рамках самой истории философии чрезвычайно близки тематически этому вопросу труды о жанровом своеобразии истории философии [Kelley, 1996; Рорти, 2017; Джохадзе, 2012], он затрагивается в работах по французской традиции философии истории философии [Кротов, 2018; Вдовина, 2012; Блауберг, 2008], в том числе по философской историографии постструктурализма [Дьяков, 2016].

Прояснение перспективы, или точки зрения, в историко-философской работе — проблемная область, которая может быть разработана только в диалоге трех областей: философии (истории философии), литературоведения (нарратологии) и истории (философии истории, историографии, интеллектуальной истории). Что может дать нам перспективистская проблематизация в истории философии, если мы последуем путем литературоведения? Какой проблемный диапазон нам станет доступен? Что показывает преэминентность подхода по отношению к тексту, событийному прошлому, философской мысли, как работают с такой перспективой историки и историки философии? Все эти вопросы и составляют проблемное поле настоящей статьи.

2. Проблематизация перспективы в литературоведении

Возможность проблематизации перспективы принесли структурные исследования. Немец О. Людвиг, англичане Г. Миллер и П. Лаббок, француз Ж. Женетт, австриец Ф. Штанцель, а также наш соотечественник Б. Успенский (и их последователи), присмотревшись к литературным памятникам прошлого и настоящего, заговорили об изменении возможностей текста в зависимости от того, какая повествовательная форма лежит в его основании. Борис Успенский в своей классической работе 1970 года «Поэтика композиции» ставит эту проблему максимально широко. «Она

представляется центральной (разрядка автора. — *О. В.*) проблемой композиции произведения искусства — объединяющей самые различные виды искусства, — подчеркивает он в начале книги. — Без преувеличения можно сказать, что проблема точки зрения имеет отношение ко всем видам искусства, непосредственно связанным с семантикой (то есть репрезентацией того или иного фрагмента действительности, выступающей в качестве обозначаемого)...» [Успенский, 1995, с. 9] Все теоретики трактуют вопрос перспективы в собственной терминологии, и каждая из предложенных систем может быть использована при концептуализации методологических проблем истории философии. Особенно продуктивной оказывается здесь терминология «точки зрения» и «фокализации».

Проблема точки зрения в литературе разрабатывается в англо-американской традиции. О ней заговорил еще в 1884 году Генри Джеймс. В работе «Искусство прозы» он акцентировал тот факт, что повествование может вестись с разных позиций, и назвал эту перспективу повествования *точка зрения*. Эта категория впоследствии стала считаться композиционным основанием творчества Джеймса. «Первым этапом создания романа для Джеймса всегда было определение точки зрения. Кто должен рассказывать историю или наблюдать за ней? С какой стороны подойти к предмету? Как воплотить свои “ценности”? За какими сторонами происходящего нужно следить? Кто должен быть “центром?”» [Edel, 1931, р. 71], — подчеркивает Леон Эдель. И эти вопросы станут наиболее дискутируемыми вопросами в перспективистских дискуссиях литературоведения.

В 1921 году Перси Лаббок развил терминологию Джеймса и обратил внимание на тот факт, что рассказываемая в романе история может быть преподнесена посредством различных форм повествования, и, собственно, именно в этих формах состоит специфика художественного произведения [Lubbock, 1921, р. 20, 23]. Точка зрения романиста для него и есть тот вопрос, который может проблематизировать читатель: «Вся сложность проблемы метода в искусстве прозы (*the craft of fiction*) связана с проблемой точки зрения — вопросом о том, какую позицию рассказчик занимает по отношению к истории» [Lubbock, 1921, р. 251]. Он выделяет два типа повествования в романе, которые связаны с разными перспективами: 1) картинная (или панорамная), где история представляется в виде рассказа о событиях и преобладает монолог рассказчика; 2) драматическая (сценическая) перспектива, которая строится не на рассказе о событиях, а на их показе, причем в него оказываются вовлечены разные герои и разные позиции [Турышева, 2012].

Лаббок не проясняет различий между персонажем-рассказчиком и автором и не проблематизирует их отношений. Эта двойственность, заметная

еще у Джеймса, отмечает всю англо-американскую традицию литературоведения и нарратологии. Х. А. Алварес Аморос пишет об этом противоречии: «Отличительной чертой англо-американской концепции точки зрения является ее многосложность. С того момента, как Лаббок определил ее как “позицию рассказчика (narrator) по отношению к истории”, он связал идею точки зрения как таковой с идеей точки зрения вымышленного рассказчика или агента повествования (narrative agent), и получившаяся в результате амальгама повлекла неточные критические описания и, в особенности, множество противоречивых классификаций точек зрения или повествовательного голоса (narrative voice), которые основывались на множестве разнообразных критериев» [Álvarez Amorós, 1994, p. 47].

Сходный с англо-американским ракурс рассматривания композиционных оснований романа предлагает Борис Успенский. Он представляет исследование проблемы точки зрения как «типологию композиционных возможностей» художественного текста, то есть сосредоточивает внимание на том, какое многообразие точек зрения возможно и что дает каждый из типов. Рассматривая идеологический, фразеологический, пространственно-временной и психологический планы текста, Успенский говорит о первом и третьем лице романа с точки зрения внутренней и внешней перспективы, где первая связана с прямой речью и переживаниями героев, а вторая — с авторским словом и монологом автора [Успенский, 1995, с. 30—33]. В своей трактовке (с отождествлением наблюдателя и говорящего) Успенский следует англо-американской традиции, однако для истории философии, если определять ее его же словами как вид литературной и исследовательской деятельности, связанный с семантикой, наглядной терминологией оказывается терминология не только перспективы лиц и их точки зрения, но и фокализации.

Фокализация как термин восходит к французской традиции и трудам Жерара Жюльетта. В отличие от классической концепции, стоящей за термином *точка зрения*, термин *фокализация* указывает не только на работу автора, но и на активность читателя, а также концептуализирует поле между тем, «кто видит», и тем, «что видят» [Ortiz-Robles, 2018, p. 224]. Эта выведенная у Жюльетта поляриность автора и читателя закономерна в то время, когда в литературоведении происходит стирание концепта автора, а на первый план сначала выводится план самого текста, а затем акцентируется читатель как организующая инстанция. «...Местом образования единства текста является читатель, а не автор, предназначение, а не происхождение текста...» [Компаньон, 2001, с. 61], — описывает эту черту Антуан Компаньон.

В новой терминологии вопросы, к которым мы пытаемся подобраться, выглядят как вопросы «голоса»: чьим голосом говорит философ и говорит ли он вообще от себя, от чьего имени говорит историк философии и как он интонирует голоса ушедшей эпохи? Ж. Женетт предлагает выделять в перспективе два пласта, которые он обозначает как «модальность» и «залог», первый он связывает при этом с вопросом «кто видит?» (вопрос о персонаже, направляющем перспективу), а второй — с вопросом «кто говорит?» (вопрос о повествователе) [Женетт, 1998, с. 202]. Таким образом он преодолевает свойственное прежней традиции отождествление рассказчика и автора. У Женетта получаются три следующих варианта: 1) нефокализованное повествование (без голоса либо со стертým голосом персонажа с позиции всеведущего повествователя), 2) повествование с внутренней фокализацией (это как раз и есть перспектива первого лица), 3) повествование с внешней фокализацией (перспектива третьего лица) [Женетт 1998, с. 205].

После классических исследований Джеймса, Лаббока, Женетта, Успенского и их последователей проблема точки зрения была конкретизирована в многочисленных исследованиях отдельных художественных произведений, ей посвящены методологические и историко-литературные статьи, она обсуждается в монографиях. В главе монографии «Нарратология», посвященной проблеме точки зрения и фокализации, В. Шмид, описывая различные концепции, подчеркивает: «Разногласия возникают даже не столько относительно точности и полноты описания этого явления, сколько по поводу применимости предлагаемых типологий к анализу текста» [Шмид, 2003, с. 109]. В настоящей работе нас интересует как раз возможность применимости типологий точки зрения и фокализации к анализу историко-философского текста.

3. От текста к истории

В нарративных спорах 1960—70-х годов практически сразу заговорили не только о тексте, но и об истории. Еще в 1973 году в работе «Метаистория» Хейден Уайт убедительно демонстрирует, что всякое историческое исследование имеет литературную форму и что языковая сторона истории как науки имеет не меньшее значение, чем событийная. В 2001 году в предисловии к русскому переводу книги он как нельзя точно выражает посыл этой работы: «Пока историки продолжают использовать обычные грамотные речь и письмо, их репрезентации феноменов прошлого, равно как и мысли о них, останутся “литературными” — “поэтическими” и “риторическими” — отличными от всего, что считается специфически “научным” дискурсом» [Уайт, 2002, с. 7]. За Уайтом последовали и другие, сблизив поля истории и литературоведения и заговорив об истории как

о литературном творчестве и о литературе как об истории. Однако проблематика точки зрения, такая важная для «литературной» нарратологии, долго остается закрытой для нарратологии исторической. К этому важному пласту исторического нарратива подбирается в своих последних работах, написанных в 2000-е годы, Алан Манслоу, переходя от литературной формы истории к самому историку и его практике.

Вдохновляясь идеями Уайта и опираясь на положение о том, что история есть результат нарратологического акта, Манслоу утверждает, что для историков как профессиональной группы первостепенным является вопрос не содержания того, *о чем* они пишут, но того, *как* они это делают: это вопрос «конструирования истории историком-автором» [Munslow, 2011, p. 74]. И здесь забытым в полемике нарратологии, по его собственным убеждениям, является «Повествовательный дискурс» Женетта. Именно он позволяет понять, как строится работа автора-историка над построением перспективы исследования. Для Манслоу, как когда-то для Джеймса в литературе, это стержневой элемент истории как авторской деятельности.

Проблема фокализации при этом предстает как проблема озвучивания голоса автора прошлого-как-истории. Фокализация становится авторским механизмом отбора и контроля диапазона дат / персонажей / голосов, которые говорят от имени прошлого. «Кто видит» здесь — автор-историк как повествователь, а вот проблема «кто говорит» и есть основная проблема истории как индивидуальной авторской практики. Подбор тех, «кто видит», есть прямое следствие того, «кто говорит», то есть авторского стиля интерпретации. Перспектива истории размечается выбором историком исторического агента, субъекта фокализации, который представляет пространство прошлого и может выражать интересы и точку зрения какого-то исторического персонажа, определенного социального класса, пола, нации. Субъект фокализации также есть повествователь, но именно его отношения с историком как повествователем определяют облик истории. В своей монографии Манслоу разъясняет этот момент практики: «Другими словами, историк как повествователь “говорит”, выбирая одну из точек зрения посредством выбора конкретного агента истории, но затем агент также становится тем, кто “говорит”. Историк, тем самым, является одновременно и тем, “кто говорит”, и тем “кто видит” дискурс (через агента истории). Таким образом, историк устанавливает связь с повествователем, определяя “кто говорит” и с какой точки зрения» [Munslow, 2007, p. 46].

Манслоу конкретизирует выделенные в нарратологии варианты перспективы по отношению к истории и описывает четыре ее разновидности: 1) персонаж / агент истории может излагать свою историю от первого лица

(перспектива первого лица, или гомодиегетическая, с внутренней фокализацией, подобно автобиографии); 2) персонаж / агент могут излагать события, свидетелями которых являются, от первого лица (перспектива первого лица наблюдателя, или гомодиегетическая, с внутренней фокализацией); 3) автор-историк может рассказывать о произошедшем без комментариев и не пытаясь проникнуть в сознание персонажей / агентов (автор-как-наблюдатель, знающий меньше агента, или ограниченная гетеродиегетическая перспектива с внешней фокализацией); 4) автор-историк может рассказывать о произошедшем, комментируя события и исследуя умонастроения персонажей (всезнающий повествователь, или неограниченная гетеродиегетическая перспектива с нулевой фокализацией) [Munslow, 2007, p. 46]. Таким образом, для Манслоу (и в этом он следует за Женеттом) в историческом исследовании как повествовании о событиях прошлого может быть три варианта фокализации: внутренняя — говорит персонаж (автобиографическая или свидетельская / наблюдательная), внешняя — о персонаже говорит историк, нулевая — за персонажа говорит историк.

Разумеется, разные варианты перспектив не существуют отдельно друг от друга и редко встречаются в чистом виде: они постоянно сменяют друг друга. В научном историческом тексте классическим примером смены перспективы является цитирование, при котором внешняя или нулевая фокализация уступает место внутренней, и мы видим точку зрения персонажа. В повествовании историка могут сменяться и внешняя с внутренней фокализации, в зависимости от того, занимает он по отношению к прошлому позицию стороннего наблюдателя или позицию интерпретатора мотивов и целей.

Описанные механизмы истории как повествовательной практики могут быть распространены на все вариации работы с прошлым: не только на историю событий (классическую историю), но и на историю культуры в ее многообразии, а также на историю философии. В последней, в силу специфики отношения истории и философии, эти механизмы становятся еще более сложными.

4. «Точка зрения» историка философии

Современная история философии, будучи одновременно историей и философией, держит оборону от нарративного поворота. Этому, конечно же, способствует двойная защита. Как и история, в своей классической традиции историографии она базируется на представлении о событийности исторического прошлого. Но, как и философия, все еще будучи тесным образом связанной с классической традицией, она хранит форму гегелевской философии истории и истории философии. История философии

мыслится как процесс исторической событийности и духовного развития. Однако происходящие в XX веке процессы проблематизации методологических процедур готовят ее к возможности нарративной интерпретации [Власова, 2019; Власова, 2018].

Следует признать, что дискуссии в литературоведении и искусствознании практически сразу же вызывают отклик в философии. В 1920-х годах выходит несколько работ очень разных философов, объединенных общей проблематикой перспективы. Это «Обратная перспектива» (1919) П. А. Флоренского, «Автор и герой в эстетической деятельности» (1920—24) М. М. Бахтина, «О точке зрения в искусстве» (1924) Х. Ортега-и-Гассета. Эти труды по духу и стилю проблематизации подобны литературоведческим спорам начала века и представляют философско-культурологический взгляд на проблематику перспективы.

Флоренский, на материале иконописи, подчеркивает искусственный, «искусный» характер перспективы, которая выстраивает пространство образов, где «как по напетому валику фонографа, скользит острое ясного зрения вдоль линий и поверхностей картины с их зарубками, и в каждом месте ее у зрителя возбуждаются соответствующие вибрации» [Флоренский, 1999]. Для него это специфическая «схема изобразительности», «особая орфография», нацеленная на особый духовный отклик у зрителя. К образному, изобразительному искусству обращается и Ортега-и-Гассет, называющий художника движителем художественной эволюции и уделяющий особое внимание ближнему и дальнему видению как двум различным типам зрения [Ортега-и-Гассет, 1991]. Переходя от эпохи к эпохе, он выписывает эволюцию живописи как трансформацию точки зрения. Бахтин представляет проблему перспективы, исследуя напряженность отношения автора к герою. При этом идеальной, на его взгляд, позицией является позиция «внезаходимости автора герою», то есть «очищения всего поля жизни для него и его бытия» [Бахтин, 1986, с. 18]. Это отношение он называет прямым, но автор не всегда поддерживает его, допуская три типических случая отклонения: 1) герой завладевает автором, 2) автор завладевает героем, 3) герой сам является своим автором [Бахтин, 1986, с. 20—24]. В принципе, эти выделенные вариации отношений можно сопоставить с разработанными позднее в литературоведении вариантами перспективы и фокализации (в терминологии Лаббока, Женетта и их последователей). Для исторических наук и истории философии типология перспектив и фокализации оказывается более плодотворной.

Во всех трех работах акцентируется специфическая работа автора в процессе создания произведения и подчеркивается искусственность пер-

спективы как принципа организации представляемого этим произведением мира. В связи с этим и ставятся методологические проблемы в треугольнике «мир — автор — произведение». Однако философско-культурологическая интерпретация точки зрения еще не дает возможности перейти к критическому исследованию перспективы текста: необходимо было длительное развитие герменевтики и исследований процедур интерпретации, смещение внимания с самого произведения и акцентирование «искусной» работы автора, необходима была разработанная терминология фокализации и типология перспектив, и наконец, нужна была новая парадигма, в которой категории «автор», «текст», «читатель» стали менее фиксированными и более свободными, вплоть до их растворения.

Как раз после методологических обобщений герменевтики [Рикер, 1992], литературоведческих исследований структуралистов и постструктуралистов, общих теорий философии истории в рамках истории философии можно поставить ряд вопросов, которые помогают прояснить технику работы историка философии: в какой фокализации обычно действует историк философии, осознаем ли мы, что постоянно меняем перспективу, то есть «кто видит» и «кто говорит» в истории философии?

Вся терминология нарратологии и философии истории может быть использована в отношении историко-философского исследования. «Кто говорит» здесь — историк философии, который, как и в любом повествовательном дискурсе, выбирает «кто видит». Отбор фигур историко-философской мысли обуславливается не только целями исследования, но и идеологией эпохи и традиции, в которую погружен историк философии, а также его личными философскими предпочтениями. Философ в амплу историка философии выражает крайний полюс такого влияния «кто говорит» на «кто видит». Как метко замечает И. И. Блауберг, «в таких случаях нередко автор поневоле превращается в “гегельянца”, усматривая в собственной концепции вершину развития человеческой мысли и соответственно оценивая предшествующие учения как более или менее близкие к данной позиции» [Блауберг, 2014, с. 324].

В истории философии мысль конкретного философа прошлого представляется в виде *post factum* структурированной целостности, и всю эту селективную работу делает историк философии, который выбирает «кто видит», «кто мыслит» и «что мыслит». При этом «видит» и «мыслит» идентичны: перспектива дается уже в отрефлексированном виде. Проблема идентичности в рамках методологии истории философии часто обозначается как дилемма истории и философии в истории философии, другими словами, как дилемма ролей (историк философии как историк и философ)

и перспектив (критической истории философии или философии доксографической истории философии). С. С. Аверинцев в своем послесловии к работе Э. Жильсона «Между средневековой философией и современной реальностью» разводит содержание деятельности историка философии и философа и следующим образом формулирует обозначенную проблему: «Можно быть историком средневековой философии, и это совершенно определенное занятие: историк есть историк, он не творит философию, он изучает ее пути в прошлом. Его собственная философская позиция при этом, конечно, важна, но это именно позиция историка, определяющая труд историка, а не какой-то иной труд. <...> Можно, напротив, быть религиозным мыслителем, который в качестве такового решил вернуться к основоположениям средневековой философии» [Аверинцев, 1999, с. 473].

Идентичность «кто видит» и «кто мыслит» приводит к тому, что термины «точка зрения» и «фокализация» значительно труднее адаптировать к этой предметной области, несмотря на то, что история философии может в этом случае представляться как историческая наука. Основной причиной трудностей является то, что история философии имеет дело не с событийным прошлым, а с прошлым мысли, поэтому фигура «агента истории» (если говорить в терминологии Манслоу) всегда будет связана с акцентированием его позиции и видимостью внутренней фокализации. Однако в истории философии внутренняя фокализация всегда возможна только через внешнюю фокализацию. Принципиальным отличием истории мысли от истории событий, как подчеркивает М. Геру [Gueroult, 1979], является возможность повторения, и историк философии вновь воспроизводит посредством своего мышления идеи философов прошлого.

Тем не менее в истории философии, как и в истории, мы можем выделить три варианта фокализации. Внутренняя фокализация: философ прошлого излагает свои идеи и события жизни от первого лица. В чистом виде внутренняя фокализация не встречается в истории философии, она может сохраняться в жанре философского романа, который в строгом смысле этого слова не является историко-философским трудом. В качестве примеров здесь можно привести «Повесть о Платоне» Питера Акройда [Акرويد, 2010; Ушакова, 2019], «Последние дни Иммануила Канта» Томаса де Квинси. Гораздо чаще внутренняя фокализация есть сохранение голоса философа прошлого как цитирование философских трудов или же автобиографических материалов, а также изложение их близко к исходной позиции автора. В историко-философском тексте очень трудно сохранить обращенность исключительно к внутренней позиции, поэтому чаще всего внутренняя фокализация может встречаться в нем только как переходный элемент.

Внешняя фокализация в своем классическом виде встречается в историко-философской реконструкции, когда историк философии слой за слоем показывает мысль философа прошлого. Обычно она перемежается включениями с внутренней фокализацией, демонстрируемой в цитировании. Незаинтересованный пересказ мнений прошлого именуется в философии доксографией, и подобная история философии, как принято считать, не обогащает философскую мысль, хотя и может выступать демонстрацией философской квалификации. Однако те историко-философские работы, которые не впадают в грех доксографии, подкрепляемой при необходимости обращением к внутренней фокализации, сталкиваются с опасностью погружения в нулевую фокализацию.

Нулевая фокализация как позиция всеведущего интерпретатора встречается на всем протяжении развития истории философии. Она характеризуется наложением «кто говорит» и «кто видит» и неограниченной интерпретацией со стороны историка философии. Поскольку история философии имеет дело с мышлением прошлого, а не просто с событийным прошлым, поскольку она всегда обращается к мысли одних людей посредством мысли других людей, нулевая фокализация присутствует в большинстве историко-философских текстов. Она особенно устойчива во всемирных историях философии, поскольку они предполагают сохранение исходных посылов развития мысли в веках, определенную схему ее изменчивости, структуру философской системы.

Можно сказать, что историк философии, стремясь к объективному исследованию в своей работе (и позиции внешней фокализации), всегда балансирует между опасностью нерелексивного впадения в обычное изложение чужой мысли с гипер-цитированием (внутренняя фокализация) и увлечением ролью главенствующего и всезнающего интерпретатора (нулевая фокализация). Это балансирование заметно и при сопоставлении терминологии фокализации с терминологией жанров, при обращении исходя из исследуемой проблематики к дискуссиям о жанровом своеобразии истории философии.

Если обратиться к предложенной Ричардом Рорти схеме жанрового разделения в истории философии, мы можем провести прямые параллели с вариантами фокализации и перспектив в историко-философской работе. Так, внутренняя фокализация выражена в жанре исторической реконструкции, когда характеризуют «предшественников в их собственных терминах» [Рорти, 2017, с. 51], стремясь «архаизировать образ мысли» [Джохадзе, 2012, с. 5], то есть сохранить перспективу философии прошлого. Внешняя фокализация отмечает жанр рациональной реконструкции, в которой историк философии представляет собственный современный взгляд на философию

прошлого. Философ прошлого и то, что он «видит», полностью подчинено тому, что «говорит» историк философии. Нулевая фокализация определяет так называемую историю духа, в рамках которой историк философии выстраивает масштабную схему постановки проблем. Несмотря на то, что история духа пытается сохранить того, «кто видит», в его исходной фокализации и при этом одновременно отдает дань интерпретации того, «кто говорит», она предполагает главенствующий статус историка философии. Рорти не зря вспоминает здесь о мудреце, нулевая фокализация истории духа показывает нам позицию всеведущего повествователя [Рорти, 2017, с. 75].

Как не могут в чистом виде существовать отдельные перспективы и варианты фокализации, так не существует и чистых жанров. Все отрицательные черты и ошибки в построении перспектив Рорти описывает как нелюбимый им жанр доксографии. В противоположность ей интеллектуальная история есть положительный полюс в этой практике. Историк философии в этом последнем жанре работает с четким осознанием своей власти над «кто говорит» и «кто видит» с методологически грамотной позиции.

Используемая Рорти терминология «жанров» указывает на форму работы историка философии; терминология фокализации и точки зрения отмечает, как говорил еще Джеймс, основание практики, стержень, вокруг которого эта форма складывается. Вся терминология одинаково успешно позволяет осмыслить методологию истории философии, однако терминология фокализации и точки зрения включает историю философии в методологические споры гуманитаристики, объединяя ее с литературоведением, нарратологией, историей. Кроме того, она позволяет акцентировать вопрос о практике исследовательской работы и, таким образом, освободить нас от вопроса о приоритетах в осмыслении методологических проблем. Рассматривая проблемы методологии как проблемы практики исследователя, мы не зависим от установок принимаемой теоретической системы, ее допущений, но напрямую говорим об основаниях деятельности. Именно поэтому междисциплинарный диалог при таком перспективистском подходе выстраивается легче всего.

5. Заключение

Приведенная в работе аргументация позволяет сделать некоторые обобщения относительно проблемы точки зрения и перспективы в преисполненности между литературоведением, историей и историей философии:

1. На материале проблемы точки зрения отчетливо видна общность методологической проблематики гуманитарных наук (литературоведения, истории, истории философии) и необходимость общегуманитарных дискуссий. Кроме того, это поле показывает общие тенденции развития

гуманитарной мысли XX века, а также возможность экстраполяции терминологии и теоретических программ из одних областей в другие с целью решения актуальных методологических проблем. Так, развитая в литературоведении терминология фокализации (перспективы, точки зрения) позволяет поставить не только вопрос о производстве текста в литературе, но и вопрос о фиксации событийного прошлого в истории и прошлого мысли в истории философии.

2. Терминология фокализации способствует акцентированию фигуры историка и историка философии как исследователя, задающего условия восприятия исторического материала. Она позволяет вести методологический разговор об исторической и историко-философской практике.

3. Исследование проблемы фокализации в истории философии предполагает обсуждение плана работы с историко-философским текстом и построения перспективы с акцентированием голоса самого историка философии (как наблюдателя и всеведущего интерпретатора) или же с сохранением взгляда и терминологии философа прошлого. Это, в свою очередь, ставит проблему истории и современности, истории и философии в историко-философской мысли. Подобная проблематизация историко-философской практики гораздо успешнее, чем традиционная терминология, способствует осмыслению современных тенденций развития истории философии.

4. В истории философии проблема фокализации сопряжена с широко дискутируемой в англо-американской традиции проблемой жанрового своеобразия истории философии. При этом, если понятие «жанр» определяет форму работы в философской мысли, то понятие «фокализация» указывает на условия, в которых эта форма выстраивается. Перспективистское историко-философское исследование также наиболее адекватно показывает основные установки и принципы работы постмодернистской истории философии, которая хоть и пытается уйти от фигуры автора, но сохраняет литературоведческую конфигурацию перспективы текста.

5. Обсуждение методологической историко-философской проблематики в контексте проблемы точки зрения способствует выходу истории философии в дискуссионное поле гуманитарных наук в целом и налаживанию междисциплинарного диалога с историографией, литературоведением, нарратологией — областями, в тесной связи с которыми развивается современная философия в целом.

Подводя итоги также важно вспомнить, что для обособления истории философии как отдельной дисциплины (а не отрасли истории мысли) важную роль играла ее квалификация как пропедевтики к философии. История философии тогда (и до сих пор) мыслилась не просто как наука о прошлом

мысли, но и как искусство различения между прошлым и современностью. Перспектива, которую в своем исследовании выстраивает историк философии, играет в этом различении центральную роль, поскольку и определяет тот «узел условий», что позволяет произвести сопоставление, что вообще позволяет заговорить о прошлом в современности не как об отжившем прошлом событии, но как о делящейся современности мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Между средневековой философией и современной реальностью / С. С. Аверинцев // Жильсон Э. Избранное / Э. Жильсон. — Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. — Том 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. — С. 471—488.
2. *Акройд П.* Повесть о Платоне / П. Акройд ; пер. Л. Мотылева. — Москва : Астрель, сор. 2010. — 220 с.
3. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — Москва : Искусство, 1986. — С. 9—191.
4. *Блауберг И. И.* О нашей конференции / И. И. Блауберг // История философии : вызовы XXI века. — Москва : Канон+, Реабилитация, 2014. — С. 322—325.
5. *Блауберг И. И.* Э Брейе и М. Геру: два подхода к истории философии / И. И. Блауберг // История философии. — 2008. — Том 13. — С. 69—88.
6. *Вдовина И. С.* Поль Рикер: история философии как самопонимание философии / И. С. Вдовина // История философии. — 2012. — № 17. — С. 45—62.
7. *Власова О. А.* «Революция относительности» и самосознание истории философии XX века / О. А. Власова // Философские науки. — 2018. — № 11. — С. 114—125. — DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125.
8. *Власова О. А.* Перспективизм в истории философии второй половины XX века: развитие самосознания и проблематика «первого» и «третьего» лица / О. А. Власова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2019. — № 3. — С. 3—13.
9. *Джохадзе И. Д.* Ричард Рорти как историк философии / И. И. Джохадзе // История философии. — 2012. — № 17. — С. 3—24.
10. *Дьяков А. В.* Постмодернистская история философии: pro et contra / А. В. Дьяков // Вопросы философии. — 2016. — № 6. — С. 176—184.
11. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс / Ж. Женетт ; пер. Н. Перцов // Фигуры. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. — Том 2. — С. 60—281.
12. *Компаньон А.* Демон теории: литература и здравый смысл / А. Компаньон ; пер. С. Зенкина. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2001. — 336 с.
13. *Кротов А. А.* Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры) / А. А. Кротов. — Москва : Издательство Московского университета, 2018. — 480 с.
14. *Ортега-и-Гассет Х.* О точке зрения в искусстве / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. Т. И. Паргеравой // Эстетика. Философия культуры. — Москва : Искусство, 1991. — С. 186—202.
15. *Рикер П.* Повествовательная идентичность / П. Рикер ; пер. О. И. Мачульской // Гермениевтика. Этика. Политика. — Москва : Academia. — 1992. — С. 19—37.
16. *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра / Р. Рорти ; пер. И. Джохадзе. — Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017. — 176 с.

17. *Турьшева О. Н.* Теория и методология зарубежного литературоведения / О. Н. Турьшева. — Москва : Флинта, 2012. — 41 с.
18. *Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт ; пер. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. — 528 с.
19. *Успенский Б.* Поэтика композиции / Б. Успенский // Семиотика искусства. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 360 с.
20. *Ушакова Е. В.* Своеобразие проблематики и композиции романа П. Акройда «Повесть о Платоне» / Е. В. Ушакова // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 192—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-192-201.
21. *Флоренский П. А.* Обратная перспектива / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 томах. — Москва : Мысль, 1999. — Том 3 (1). — С. 46—98.
22. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
23. *A companion to the philosophy of history and historiography* / A. Tucker (ed.). — Chichester, U.K.; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2009. — 563 p.
24. *Álvarez Amorós J. A.* Henry James, Percy Lubbock, and beyond: A critique of the Anglo-American conception of narrative point of view / J. A. Álvarez Amorós // *Studia Neophilologica*. — 1994. — Vol. 66, № 1. — Pp. 47—57.
25. *Edel L.* The Prefaces of Henry James / L. Edel. — Paris : Jouve, 1931. — 136 p.
26. *Gueroult M.* Dianoématique / M. Gueroult. — Paris : Aubier, 1979. — Livre 2. Philosophie de l'histoire de la philosophie. — 275 p.
27. *Kelley D. R.* What is happening to the history of ideas? / D. R. Kelley // *Intellectual News*. — 1996. — Vol. 1, № 1. — Pp. 36—50.
28. *Kuukkanen J.-M.* Postnarrativist philosophy of historiography. Houndmills / J.-M. Kuukkanen. — Basingstoke, Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan, 2015. — 239 p.
29. *Lubbock P.* The Craft of Fiction / P. Lubbock. — London : Johnathan Cape, 1921. — 277 p.
30. *Munslow A.* Narrative and History / A. Munslow. — New York : Palgrave Macmillan, 2007. — 190 p.
31. *Munslow A.* The Historian as Author / A. Munslow // *SPIEL*. — 2011. — Vol. 30, №. 1. — Pp. 73—88.
32. *Ortiz-Robles M.* Point of View's Points of View / M. Ortiz-Robles // *The Henry James Review*. — 2018. — Vol. 39, № 3. — Pp. 218—225.
33. *Point of view, perspective, and focalization: modeling mediation in narrative* / P. Hühn, W. Schmid, J. Schönert (eds.). — New York : Walter de Gruyter, 2009. — 305 p.

“POINT OF VIEW” IN LITERARY CRITICISM, HISTORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY: PERSPECTIVE OF DIALOGUE¹

© **Olga A. Vlasova (2020)**, orcid.org/0000-0003-4881-3652, Researcher ID N4191-2015, SPIN 1919-4641, Doctor of Philosophy, Institute of Philosophy, Professor, Department

1 The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01440 “Anthropological dimension of the history of philosophy”).

of History of Philosophy, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), o.a.vlasova@gmail.com.

The problem of the point of view is considered, taking into account the vector of continuity from literary studies through history to the history of philosophy. The traditional approaches of the Anglo-American (G. James, P. Lubbock) and French (G. Genette) literary traditions are analyzed. The main terminology and methodological strategies that can be used in historical and historical-philosophical science are highlighted. It is demonstrated that within the framework of history, the terminology of focalization contributes to the accentuation of the figure of the researcher, who sets the conditions for the perception of historical material. Based on a critical analysis of the models of focalization proposed by A. Munslow in history, the main directions of rethinking the problem of focalization in historical and historical-philosophical practice are determined. The specificity of posing the problem of point of view and focalization in the history of philosophy is characterized. It is emphasized that turning to it allows us to pose the problem of the relationship between history and modernity, history and philosophy. Such problematization of historical and philosophical practice is much more successful than traditional terminology, contributing to the comprehension of modern development trends. The study of the problem of point of view demonstrates the commonality of the methodological problems of the humanities (literary criticism, history, history of philosophy) and the need for a general humanitarian dialogue.

Key words: literary criticism; history; history of philosophy; historian of philosophy; perspective; point of view; focalization; literary criticism of the XX century; New criticism.

REFERENCES

- Akroyd, P. (2010). *Povest' o Platone* [The tale of Plato]. Moskva: Astrel. 220 p. (In Russ.).
- Álvarez Amorós, J. A. (1994). Henry James, Percy Lubbock, and beyond: A critique of the Anglo-American conception of narrative point of view. *Studia Neophilologica*, 66/1: 47—57.
- Averintsev, S. S. (1999). Mezhdru srednevekovoy filosofii i sovremennoy realnostyu [Between medieval philosophy and modern reality]. In: Zhilson, E. *Izbrannoye, I. Tomizm. Vvedeniye v filosofiyu sv. Fomy Akvinskogo* [Favorites. 1 Thomism. An introduction to the philosophy of St. Thomas Aquinas]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. 471—488. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1986). Avtor i gery v esteticheskoy deyatelnosti [Author and hero in aesthetic activity]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moskva: Iskustvo. 9—191. (In Russ.).
- Blauberg, I. I. (2008). E Breye i M. Geru: dva podkhoda k istorii filosofii [E Breuet and M. Gueru: two approaches to the history of philosophy]. *Istoriya filosofii* [History of philosophy], 13. 69—88. (In Russ.).
- Blauberg, I. I. (2014). O nashey konferentsii [About our conference]. In: *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of Philosophy: Challenges of the 21st Century]. Moskva: Kanon+, Reabilitatsiya. 322—325. (In Russ.).
- Dyakov, A. V. (2016). Postmodernistskaya istoriya filosofii: pro et contra [Postmodern history of philosophy: pro et contra]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 6: 176—184. (In Russ.).
- Dzhokhadze, I. D. (2012). Richard Rorti kak istorik filosofii [Richard Rorty as a historian of philosophy]. *Istoriya filosofii* [History of philosophy], 17: 3—24. (In Russ.).
- Edel, L. (1931). *The Prefaces of Henry Jame*. Paris: Jouve. 136 p. (In French).

- Florenskiy, P. A. (1999). Obratnaya perspektiva [Reverse perspective]. In: *Sochineniya* [Composition]. 4/3. Moskva: Mysl. 46—98. (In Russ.).
- Gueroult, M. (1979). *Dianoématique, Livre 2. Philosophie de l'histoire de la philosophie*. Paris: Aubier. 275 p. (In French).
- Hühn, P. Schmid, W., Schönert, J. (eds.). (2009). *Point of view, perspective, and focalization: modeling mediation in narrative*. New York: Walter de Gruyter. 305 p.
- Kelley, D. R. (1996). What is happening to the history of ideas? *Intellectual News*, 1/1: 36—50.
- Kompanon, A. (201). *Demon teorii: literatura i zdravyy smysl* [Demon theory: literature and common sense]. Moskva: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh. 336 p. (In Russ.).
- Krotov, A. A. (2018). *Filosofiya istorii filosofii vo Frantsii (problema zakonomernostey v razvitiy intellektualnoy kultury)* [Philosophy of the history of philosophy in France (the problem of patterns in the development of intellectual culture)]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 480 p. (In Russ.).
- Kuukkanen, J.-M. (2015). *Postnarrativist philosophy of historiography*. Houndmills. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan. 239 p.
- Lubbock, P. (1921). *The Craft of Fiction*. London: Johnathan Cape. 277 p.
- Munslow, A. (2007). *Narrative and History*. New York: Palgrave Macmillan. 190 p.
- Munslow, A. (2011). The Historian as Author. *SPIEL*, 30/1: 73—88.
- Ortega-i-Gasset, Kh. (1991). O tochke zreniya v iskusstve [About the point of view in art]. In: *Eстетика. Filosofiya kultury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moskva: Iskusstvo. 186—202. (In Russ.).
- Ortiz-Robles, M. (2018). Point of View's Points of View. *The Henry James Review*, 39/3: 218—225.
- Riker, P. (1992). Povestvovatel'naya identichnost' [Narrative identity]. In: *Germenevtika. Etika. Politika* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moskva: Academia. 19—37. (In Russ.).
- Rorti, R. (2017). *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [Historiography of Philosophy: Four Genres]. Moskva: Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya». 176 p. (In Russ.).
- Shmid, V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 312 p. (In Russ.).
- Tucker, A. (ed.). (2009). *A companion to the philosophy of history and historiography*. Chichester, U.K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell. 563 p.
- Turyшева, O. N. (2012). *Teoriya i metodologiya zarubezhnogo literaturovedeniya* [Theory and methodology of foreign literary criticism]. Moskva: Flinta. 41 p. (In Russ.).
- Uayt, Kh. (2002). *Metaistoriya: istoricheskoye voobrazheniye v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in 19th Century Europe]. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 528 p. (In Russ.).
- Ushakova, E. V. (2019). Svoebraziye problematiki i kompozitsii romana P. Akroyda «Povest' o Platone» [Problematics and Composition Originality of P. Ackroyd's Novel "The Plato Papers"]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 3: 192—201. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-192-201. (In Russ.).
- Uspenskiy, B. (1995). Poetika kompozitsii [The poetics of composition]. In: *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 360 p. (In Russ.).
- Vdovina, I. S. (2012). Pol' Riker: istoriya filosofii kak samoponimanie filosofii [Paul Ricoeur: the history of philosophy as a self-understanding of philosophy]. *Istoriya filosofii* [History of philosophy], 17: 45—62. (In Russ.).

- Vlasova, O. A. (2018). «Revolyutsiya otноситelnosti» i samosoznaniye istorii filosofii XX veka [Paul Ricoeur: the history of philosophy as a self-understanding of philosophy]. *Filosofskiyе nauki* [Philosophical Sciences], 1: 114—125. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125. (In Russ.).
- Vlasova, O. A. (2019). Perspektivizm v istorii filosofii vtoroy poloviny XX veka: razvitiye samosoznaniya i problematika «pervogo» i «tretyego» litsa [Perspectivism in the history of philosophy of the second half of the 20th century: the development of self-awareness and the problems of the «first» and «third» person]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Episode 7: Philosophy], 3: 3—13. (In Russ.).
- Zhenett, Zh. (1998). Povestvovatelnyy diskurs [Narrative discourse]. In: *Figury, 2*. [Shapes]. Moskva: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh. 60—281. (In Russ.).